

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Н. Страховъ.—Его ученіе о справедливости, милосердіи и святости.—Ученіе Будды: ученіе о мірѣ, о душѣ и ученіе о Нирванѣ.—Коренная ошибка буддѣйской метафизики.—Итальянскій ученый Маріано объ ошибкахъ буддѣйской философіи.—Его сочиненіе *Buddismo e Cristianesimo*.—Заключительное слово о г. Страховѣ.

I.

Въ книжкѣ г. Страхова подъ названіемъ «Воспоминанія и отрывки» есть страницы, на которыя стоитъ обратить вниманіе. Таковы, между прочимъ, страницы, носящія названіе *Справедливость, милосердіе и святость*. Намъ кажется, что на этихъ страницахъ г. Страхову удалось выразить нѣсколько мыслей, имъ въ особенности излюбленныхъ и представляющихъ важнѣйшіе выводы автора изъ его общихъ теоретическихъ положеній. Солнце въ малой каплѣ воды... Г. Страховъ, весь, со всѣми его приемами мышленія, съ его своеобразною литературною манерою — въ небольшомъ газетномъ фельетонѣ, пущенномъ въ публичку въ надлежащую минуту и затѣмъ перепечатанномъ въ собраніи другихъ, столь-же характерныхъ, хотя и совершенно случайныхъ, статей. Есть писатели-пророки: они ищутъ шумныхъ собраній, многолюдной толпы, и если общество безвѣчно отдается неслышному прозябанію, не волнуясь никакими практическими или теоретическими задачами, они выходятъ на широкую площадь и громко призываютъ людей на трудъ, на великую работу. Писатели-пророки не терпятъ *безцвѣтныхъ* моментовъ въ чело-вѣческой жизни: душа ихъ требуетъ страстной борьбы, постоянного движенія, взволнованной атмосферы стремленій и желаній. Есть писатели-монахи: они пугливо сторонятся всякихъ шумныхъ собраній и съ какимъ-то священнымъ ужасомъ затыкаютъ себѣ уши при первыхъ слухахъ о волненіи, гдѣ-бы то ни было происходящемъ. Ихъ жизнь есть только созерцаніе, только мышленіе — спокойное, уравновѣшенное, только тихая, смиренная молитва, съ довѣріемъ обращенная къ всеильнымъ небесамъ... Да будетъ на землѣ миръ: счастье не въ нашихъ рукахъ, а свято только

то, что безстрастно, что выше нашихъ обыденныхъ увлеченій! Писатели-монахи не выносятъ яркихъ красокъ, громкихъ возгласовъ восторга, смѣлыхъ движеній симпатій или гнѣва. Тихе, ради Бога тихе. — заявляйте ваши желанія въ выраженіяхъ скромныхъ, безъ напоса, какъ можно проще и безъ всякаго натиска...

Вы знаете г. Страхова. Это настоящій литературный талантъ, это писатель съ серьезною философскою начитанностью, съ прекраснымъ, нѣсколько старомоднымъ, но изящнымъ стилемъ, съ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ въ вопросахъ поэзіи, искусства. Это крупное имя въ исторіи русской журналистики, котораго нельзя обойти молчаніемъ въ лѣтописи русскаго литературнаго развитія. Но это писатель-монахъ, а не писатель-пророкъ: въ статьяхъ его есть послѣдовательное развитіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ мыслей, изящный тонъ, блестящая сатирическая насмѣшка, методическій анализъ, осторожно расчленяющій предметъ на его видимыя составныя части, но нѣтъ совсѣмъ какихъ-нибудь смѣлыхъ широкихъ обобщеній, волнующихъ и увлекающихъ публицистическихъ красокъ, злого, безопаднаго, обличительнаго смѣха, вдохновеннаго разбора — безъ предвзятой мысли, безъ сердитаго ворчанья, безъ фальшиво-чиновническихъ придирокъ — какихъ-нибудь истинно серьезныхъ, трудныхъ теоретическихъ или практическихъ задачъ. *Силы* нѣтъ въ произведеніяхъ г. Страхова — той силы, которая очаровываетъ умъ, подымаетъ настроеніе, проникаетъ въ душу, освѣщаетъ предметы, дотолѣ скрытые во мракѣ. Нужно любить изящество во всѣхъ его возможныхъ видахъ, чтобы признать литературный стиль г. Страхова изящнымъ, красивымъ: для молодого, неопытнаго читателя въ произведеніяхъ г. Страхова нѣтъ ни одной фразы, ни одного періода, ни одного оборота рѣчи, которые могли-бы *впервые* возбудить представленіе о талантѣ высшаго литературнаго изложенія. Рѣчь Бѣлинскаго, обильная словами, блистающая многочисленными метафорами, разбрасывающая безчисленные поэтическіе образы во всѣ стороны — волнуется, ображеніе, *воспитываетъ* чувство красоты. Въ рѣчи Бѣлинскаго есть поэтическая сила, огонь, вдохновеніе, могучая страсть. Рѣчь г. Страхова... Въ рѣчахъ г. Страхова есть стилистическая *аккуратность*, чиновническая точность, ровный, дѣловитый тонъ, логическая простота безъ мятежныхъ зигзаговъ чувства. Это своеобразная красота, которую оцѣнить только тѣ, которые любятъ красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ, которые уже прошли хорошую эстетическую школу. Нужно любить логическую работу мысли во всѣхъ ея степеняхъ и формахъ, чтобы логическіе приемы г. Страхова признавать въ своемъ родѣ совершенными и образцовыми: опять-таки — для молодого, неопытнаго читателя въ произведеніяхъ г. Страхова нѣтъ той логической силы, тѣхъ рѣзкихъ, свободныхъ сужденій, той смѣлой прямоты въ отвлеченной доктринѣ, тѣхъ безобязнен-

ности въ философскихъ выводахъ, которыя назидаютъ всякій умъ, воспитываютъ общество, направляя людей на вѣрныя теоретическія дороги. Въ произведеніяхъ г. Страхова есть логическая гибкость, виртуозная плавность, медленная постепенность въ ничтожнѣйшихъ умозаключеніяхъ, импонирующая добросовѣстность въ собираніи мельчайшихъ логическихъ доказательствъ и нѣтъ совѣтъ широкой, движущейся, освѣщенной вдохновеніемъ, то строго методической, то смѣло импровизирующей діалектики. Это краснорѣчіе, но краснорѣчіе холодное, въ которомъ каждое слово поставлено на надлежащее мѣсто, всякая фраза отшлифована съ величайшимъ стараніемъ, въ которомъ всѣ слова и всѣ фразы выстроены въ правильные логическіе ряды, но въ которомъ нѣтъ ни одного жгучаго слова, ни одного внезапнаго логическаго открытія, ни одной творческой отгадки, ни одного самобытно сильнаго философскаго штриха. Это безшумная, безкрылая логика, которую оцѣнить только тѣ, которые прошли хорошую умственную школу и которые любятъ работу мысли во всѣхъ ея капризныхъ, странныхъ видахъ и формахъ... Нужно любить эстетическую критику вообще, чтобы критику г. Страхова признать интересною и поучительною во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ статейкѣ *Справедливость, милосердіе и святость* авторъ раскрылъ предъ нами, можно сказать, тайну своего сердца. Это прекрасная статья, и кто интересуется г. Страховымъ, долженъ обратить на нее особенное вниманіе.

Г. Страхова побудила написать эту небольшую статейку та путаница понятій, которая замѣтна въ нынѣшнихъ безчисленныхъ толкахъ и спорахъ о нравственныхъ вопросахъ. Какъ-бы мы ни блуждали нашими мыслями, говорить онъ, какъ-бы дурно ни жили, мы никогда не должны потерять чувство истиннаго идеала человѣческой жизни: вѣдь мы христіане. И вотъ г. Страховъ рисуетъ предъ нами истинный идеалъ человѣческой жизни въ духѣ христіанскаго ученія. Нужно различать три ступени, по которымъ мы можемъ и должны подниматься къ полному нравственному совершенству: справедливость, милосердіе и святость. Это ступени *твердыя*, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой строгій принципъ, изъ котораго послѣдовательно вытекаютъ правила, обнимающія всѣ житейскія отношенія. На какой-бы изъ нихъ человѣкъ ни находился, онъ можетъ на ней спокойно оставаться до конца своей жизни. Во первыхъ, мы должны никого не обманывать, никому не вредить, ничѣмъ не нарушать чужихъ правъ и интересовъ, а всегда и вездѣ отдавать каждому свое. Это — справедливость. Поступать справедливо значитъ совершать только тѣ дѣйствія, на которыя я имѣю право, а право я имѣю дѣлать все, въ чемъ мое благо не противорѣчитъ благо другихъ людей. Во вторыхъ, мало того, чтобы никому не вредить, нужно всѣмъ помогать, мало того, чтобы быть честнымъ, нужно быть добрымъ. Человѣку слѣдуетъ думать не о своей

пользѣ, а о пользѣ другихъ. Это — милосердіе. Люди находятъ тысячи средствъ и путей, чтобы, оставаясь въ предѣлахъ закона, дѣлать другъ другу зло. Законъ не можетъ предписывать внутренняго согласія, онъ можетъ только устранять внѣшнюю насильственность борьбы между отдѣльными людьми, и вотъ почему милосердіе есть дѣйствительно новая и важная ступень въ нашей нравственной жизни. Кто любитъ ближняго, тотъ не станетъ соблюдать своихъ правъ, прибѣгать къ принудительной власти закона для защиты своихъ личныхъ интересовъ. Любовь все терпитъ, все прощаетъ, *своего не ищетъ*. «Если-бы всѣ были любящіе, то государственный строй потерялъ-бы всю главную надобность, и естественно, что любящіе становятся равнодушными къ этому строю». Въ третьихъ, мало быть честнымъ, мало быть добрымъ, нужно быть чистымъ, нужно быть святымъ. Необходимо побороть въ себѣ грѣхъ, откинуть то рабство, въ которомъ мы живемъ, необходимо искать высшаго совершенства. Это — святость. Быть святымъ значитъ подняться выше своихъ желаній, своей природы, выше всякаго страданія, выше смерти. Необходимо утвердиться на точкѣ зрѣнія вѣчности, какъ безплотный духъ, *отрѣшившись отъ себя и отъ міра*. Благо человечества... Дай Богъ всякому быть увѣреннымъ лишь въ томъ, что онъ былъ безвреденъ, что никому не причинилъ никакого ущерба. «Монахъ, живущій подаяніемъ, отрѣкшійся отъ всякихъ общественныхъ связей и убѣгающій въ пустыню, съ одной стороны, конечно, дерзокъ, заявляя себя прямо искателемъ святости, но, съ другой стороны, онъ скромнѣе и можетъ, по крайней мѣрѣ, навѣрно считать себя безвреднымъ».

Мы вправѣ были сказать, что въ этой небольшой статейкѣ отразилась весь г. Страховъ. Мысли выражены безъ всякой яркости и логической силы, съ ненужными уступками совершенно противоположнымъ началамъ. Анализъ трехъ различныхъ принциповъ человѣческой жизни поражаетъ своею неувѣренностью: г. Страховъ не только не развиваетъ до конца своихъ теоретическихъ положеній, но еле-еле намѣчаетъ ихъ, не заботясь совершенно придать имъ духъ логической чѣткости и философскаго единства. Эти «твердыя» ступени, въ дѣйствительности, вовсе не тверды, трещать и ломаются при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи, и каждая изъ нихъ вовсе не имѣетъ своего *строгаго* принципа, изъ котораго послѣдовательно вытекаютъ правила, обнимающія всѣ житейскія отношенія. Притомъ же онѣ едва-ли построены по методу истиннаго христіанскаго ученія: въ разсужденіяхъ г. Страхова о святости отсутствуетъ ученіе о *подвиѣ* любви къ людямъ, о героическомъ воплощеніи возвышеннаго духовнаго начала въ живыя, конкретныя формы, о практическомъ благѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ тому, что говоритъ г. Страховъ. Справедливость есть первая «твердая» ступень, и принципъ справедливости — право, юридическій законъ — обнимаетъ всѣ человѣческія отно-

шенія. На этой первой ступени человекъ «можетъ спокойно жить и дѣйствовать, хотя бы не былъ способенъ подняться на высшую ступень». Если это такъ, то что же значатъ слова г. Страхова, въ началѣ разсужденія о милосердіи, что люди находятъ тысячи средствъ и путей, чтобы, оставаясь въ предѣлахъ закона, дѣлать зло другъ другу, обижать, угнетать, доводить до отчаянія и гибели? Признавъ справедливость *этихъ* словъ, мы уже не можемъ считать «твердою» ту первую ступень, о которой говоритъ г. Страховъ: очевидно, она не имѣетъ одного всеобъемлющаго принципа, очевидно, на ней нельзя оставаться *спокойно* жить и дѣйствовать, не стремясь подняться на высшую ступень. Первая ступень не тверда, но именно на этой первой ступени, въ виду ея всеѣмъ понятной шаткости, искусственности, происходитъ постоянно шумная борьба интересовъ и страстей, совершаются историческія катастрофы и чрезвычайно важныя событія въ условіяхъ внѣшней человѣческой жизни, и вотъ г. Страховъ говоритъ намъ: тише, всѣ ступени тверды!.. И вотъ почему мы вправѣ были сказать, что въ сужденіяхъ г. Страхова нѣтъ логической смѣлости, нѣтъ открытаго мужества, нѣтъ отваги, свободной критики, которая не боится никакихъ выводовъ изъ разъ поставленныхъ теоремъ, нѣтъ святого пристрастія къ истинѣ, нѣтъ проповѣдническаго фанатизма. Мелькають искры остроумія, раздается тихій звонъ прекрасно отшлифованныхъ фразъ, вдругъ выступаетъ изящно тонкій изгибъ мысли, но надъ всеѣмъ этимъ не рѣшетъ духъ Божества, не витаешь на крыльяхъ свободы гений добра и свѣта... И какое несчастье! Этому богато одаренному человекѣ, этому прекрасно образованному писателю Богъ не далъ силы страсти, *таланта любви* — глубокой, безпредѣльной, подвижнической, не далъ способности къ вдохновенной радости и мятежной печали...

И такъ, первая ступень не тверда.

Милосердіе тоже обрисовано колеблющимися, неясными чертами. Г. Страховъ говоритъ: *нѣтъ сомнѣнія*, что взаимная любовь, взаимное милосердіе, жизнь для другихъ—единственное средство устранить всякое зло. Для земной жизни это идеалъ, не замѣнимый никакими другими идеалами. Если это такъ, то вторая ступень, дѣйствительно, тверда, и средство для устранения всякаго зла дѣйствительно найдено. Но г. Страховъ слышитъ успокоить ваши нервы, умѣрять вашъ восторгъ. Сказавъ два слова объ идеалѣ милосердія, онъ прибавляетъ: многихъ идеалъ этотъ плѣняетъ *не какъ зрѣлище* нравственной красоты, а какъ картина возможнаго благополучія, многие считаютъ своимъ долгомъ содѣйствовать приближенію этого идеала. Увы! «Это прекрасныя намѣренія, прекрасныя мечтанія... Если бы всѣ люди были проникнуты братскою любовью другъ къ другу, то страданія человѣческія, вѣроятно, не уменьшились бы, а увеличались». Эти слова колеблютъ все значеніе второй ступени: значить, взаимная любовь, взаимная помощь, жизнь для другихъ не есть единственное средство

устранить всякое зло. Зло не можетъ быть устранено, и милосердіе только иллюзія, оптический обманъ нравственнаго чувства. Это не твердая ступень, а только призракъ ступени, съ которымъ нечего дѣлать. И замѣтите, опять-таки, ту же типическую особенность, съ которою вы постоянно встрѣчаетесь въ сужденіяхъ г. Страхова. Сказавъ, что любовь есть средство *устранить* всякое зло, г. Страховъ вдругъ бросаетъ испуганный взглядъ впередъ себя. Тише, не вздумайте, ради Бога, попробовать устранить бѣдствія человѣческой жизни: зло, все-таки, не можетъ быть устранено, и милосердіе должно рисоваться намъ не какъ средство къ возможному благополучію, а только, какъ *зрѣлище нравственной красоты*.

Какая прискорбная скудость желаній! Какой малодушный страхъ, какое отсутствіе гражданскаго мужества!

Наконецъ, тверда-ли третья ступень? Что такое святость? Святость есть отрѣшеніе отъ себя и отъ міра. Если бы человекъ пожелалъ вести себя съ полнымъ сознаніемъ, «т. е. не забывая прошлаго и не закрывая глазъ на будущее», то ему остался бы только одинъ выходъ — скатать настроенія святости, *смотреть* на все съ точки зрѣнія вѣчности. Таково основное положеніе г. Страхова. Каждый данный моментъ нашей жизни сдвоенъ двумя вѣчностями — вѣчностью прошедшаго и вѣчностью будущаго, и потому будьте, какъ святая Тереза, ничѣмъ не смущайтесь, ничего не бойтесь: все проходитъ, Богъ остается неизмѣннымъ. Но это значить отдаться на произволъ судьбы и признать ничтожнымъ всякое личное усиліе, значеніе личной нравственной воли въ общемъ процессѣ человѣческаго развитія. Но это значить противорѣчить главному принципу идеалистической философіи, по которому внутренняя жизнь человека есть постоянная борьба сознанія, разума съ мертвой матеріей, и на мѣсто ученія о живой, дѣятельной работѣ свѣтлаго, духовнаго начала ставить грубо фаталистическое ученіе о всеильныхъ механическихъ началахъ природы. А между тѣмъ, слова о томъ, что человекъ долженъ *смотреть* на вещи съ точки зрѣнія вѣчности, заключаютъ въ себѣ болѣе глубокий философскій смыслъ, если только принять коренную теорему критической философіи объ идеальности пространства и времени. Вѣчно только то, что внѣ времени, вѣчны нравственныя требованія практическаго разума, вѣчна сама нравственная воля, и *смотреть* на жизнь съ точки зрѣнія вѣчности значить оцѣнивать всякую вещь, всѣ событія, всѣ явленія исторіи на строгихъ, неизмѣнныхъ основаніяхъ чисто-идеалистической морали, пренебрегая пошлымъ, случайнымъ аршиномъ обыденныхъ житейскихъ понятій. Идеалистическое понятіе вѣчности, въ примѣненіи къ вопросамъ живой человѣческой дѣятельности, осуждаетъ индифферентизмъ и требуетъ смѣлой инициативы въ прогрессивномъ нравственномъ направленіи при всѣхъ обстоятельствахъ, при всякомъ историческомъ положеніи вещей. Но г. Страховъ думаетъ о вѣчности по иному: не забывайте

прошлое, не закрывайте глазъ на будущее и вы достигнете святости. Безконечность позади, безконечность впереди — лягте *неподвижно* между этими двумя безконечностями. По крайней мѣрѣ, вы будете имѣть святую увѣренность, что никому не повредили, ничему не помѣшали.

Итакъ, святость есть полное отрѣшеніе отъ себя и отъ міра. Это главный тезисъ г. Страхова. Но вотъ прочтите слѣдующія слова: «Наша честность и наша доброта очень мало значатъ, если онѣ не исполняются въ духѣ святости. Есть вѣдь честность отъратительная, основанная на томъ, что быть честнымъ выгодно, чѣмъ плутовать. Есть и доброта негодная, основанная на себялюбивой мысли о томъ, какъ мы добродѣтельны. Нужно быть чистыми въ душѣ, — тогда мы дѣйствительно и непрѣменно станемъ нравственными въ своихъ дѣйствіяхъ». Эта мысль, выраженная въ такихъ превосходныхъ словахъ, къ сожалѣнію, не связана логически съ тѣмъ, что сказано было г. Страховымъ по поводу *справедливости и милосердія*. Справедливость есть *дѣятельное*, добросовѣстное упражненіе юридическаго закона, милсердіе есть дѣятельное упражненіе закона любви, а святость есть полная и окончательная *бездѣятельность*. Въ ученіи г. Страхова святость *отрицаетъ* и законъ юридическій, и законъ любви, и слова его о необходимости связать во-едино всѣ три момента нравственной жизни остаются совершенно пустымъ, формальнымъ требованіемъ, котораго въ данномъ разсужденіи нѣтъ никакой возможности осуществить. Нельзя сдѣлать такъ, чтобы въ движеніи былъ покой, нельзя сдѣлать и такъ, чтобы въ покоѣ было движеніе. Одно изъ двухъ: либо движеніе, либо покой...

Г. Страховъ любитъ покой.

Это видно и по другимъ статейкамъ, помѣщеннымъ въ настоящей книжкѣ. Прочтите воспоминаніе о поѣздкѣ на Афонъ. И тутъ г. Страховъ остается вѣренъ себѣ. Рассказывая о своихъ впечатлѣніяхъ, авторъ говоритъ: «Въ продолженіе двухъ недѣль я не слышалъ ни *единого* крика, ни *единого* сердитаго слова. Эта удивительная тишина, прямое отраженіе и выраженіе душевнаго міра, поразила меня въ первый день, а потомъ *плыла* все больше и больше». Сравните впечатлѣніе, вынесенное изъ поѣздки на Афонъ французскимъ писателемъ Воюэ, съ впечатлѣніемъ г. Страхова. Воюэ пишетъ: «Память минувшаго и молчаніе! Нѣтъ, человекъ не можетъ жить этими двумя отрицаніями. Никогда не удастся намъ выразить то впечатлѣніе духоты и удрученія, тотъ силій, который выдыхается этою искусственною жизнью, то оцѣпенѣніе, которое овладѣваетъ умомъ при этомъ странствіи между гробами». А г. Страховъ пишетъ въ умиленномъ тонѣ: «Кто былъ на Афонѣ, кто испыталъ ласковое радушіе афонскихъ старцевъ, ихъ неистощимую доброту, тотъ никогда не приметъ ихъ за людей, удрученныхъ тоскою или скукою»...

Духомъ смиренія проникнуты рѣшительно всѣ статьи г. Страхова.

Таковъ г. Страховъ — спокойный, тихій, ровный. И однако съ этимъ писателемъ ведешь бесѣду съ истиннымъ удовольствіемъ, несмотря на всѣ его недостатки, несмотря на то, что въ статьяхъ его нѣтъ настоящаго публицистическаго блеска, сильныхъ оборотовъ логической аргументаціи, нѣтъ согрѣвающего пламени страстей и чувствъ. У г. Страхова тонкій, изящный умъ, благородная манера выражаться осторожно, чисто, безъ пошлаго заигрыванія съ читателемъ; безъ хлыщеватаго шутовства въ духѣ г. Михайловскаго, безъ разнузданной дерзости въ духѣ г. Протопопова. У г. Страхова есть настоящія знанія, способность къ сосредоточенному научному мышленію, есть твердое и всестороннее знакомство съ исторіей европейской философіи — не по переводнымъ книжкамъ, какъ у г. Михайловскаго, а по оригинальнымъ источникамъ и документамъ, какъ это и подобаешь всякому серьезному и добросовѣстному писателю, презирающему скверное бахвальство научнымъ и философскимъ невежествомъ. Г. Страховъ писатель талантливый, интересный, поучительный...

II.

Мы положительно думаемъ, что понятіе святости, въ томъ видѣ, какъ оно разработано г. Страховымъ въ его книжкѣ «Воспоминанія и отрывки», не заключаетъ въ себѣ одного изъ чистѣйшихъ элементовъ христіанской философіи и по своей логической конструкціи очень близко напоминаетъ буддійскій взглядъ на задачу человѣческой жизни. Здѣсь стоитъ остановиться, чтобы внимательнѣе приглядѣться къ нѣкоторымъ философскимъ вопросамъ, имѣющимъ самое серьезное значеніе при опредѣленіи тѣхъ или другихъ практическихъ или нравственныхъ идеаловъ. Какъ бы ни были отвлечены и трудны извѣстные метафизическія теоремы, ихъ слѣдуетъ непрѣменно понять и усвоить во всемъ ихъ объемѣ, на нихъ слѣдуетъ непрѣменно опереться, какъ на главнѣйшіе устои жизни, какъ на руководящіе принципы для всякой духовной дѣятельности. Философскія идеи должны занимать центральное мѣсто въ міросозерцаніи человека, въ міросозерцаніи, безъ котораго немислима никакая настоящая сознательная работа на пользу общества, никакой полезный трудъ въ области литературы, искусства, науки. Философія даетъ вѣрное направленіе теоретическому знанію человека, господствуетъ надъ его умомъ, изоциря и уточняя всѣ его потребности. Въ міросозерцаніи человека рождается его политическія симпатіи, рождается тотъ высшій критерій, который позволяетъ ему судить о всѣхъ явленіяхъ соціальной или духовной исторіи всегда въ извѣстномъ направленіи, не уклоняясь въ сторону, не дѣлая произвольныхъ скачковъ отъ одного положенія къ другому, съ выдержанною послѣдовательностью, въ полномъ согласіи со всѣми его прочими теоретическими и практическими убѣжденіями. Но міросозерцаніе

составляется не легко. Оно добывается мучительнымъ трудомъ надъ абстрактными вопросами, сосредоточеніемъ мысли на важнѣйшихъ научныхъ проблемахъ, самымъ пристальнымъ и всестороннимъ изученіемъ сложнѣйшихъ философскихъ задачъ. Его никогда нельзя взять въ готовомъ видѣ извнѣ, изъ какой-нибудь замѣчательной книги, его нельзя схватить въ случайномъ общеніи съ великимъ человѣкомъ: его можно выработать только внутри себя, подвергнувъ серьезной критикѣ всѣ обиходныя понятія, осмысливъ разумомъ всѣ отношенія людей между собою и найдя твердыя, неподвижныя границы, раздѣляющія міръ пллюзій, обмана и міръ истинно живой, духовный, свѣтлый... И вотъ почему большинство людей бродитъ безъ всякаго міросозерцанія, по случайнымъ дорогамъ, на какія поставятъ ихъ внѣшнія обстоятельства, безъ внутренняго свѣта, безъ пониманія природы, безъ мысли о великой загадкѣ человеческой жизни. Существуютъ книги, въ которыхъ записана величайшая мудрость, разсказаны славнѣйшіе подвиги человеческого гения, въ которыхъ выражены истины важныя, освободительныя, раскрывающія предъ человѣкомъ широчайшее поле для умственной и практической дѣятельности, но эти книги остаются до сихъ поръ непонятными огромнымъ большинствомъ мыслящихъ людей — тою подавляющею массою народа, которая живетъ безъ всякихъ высшихъ умственныхъ интересовъ. Величайшія философскія ученія остаются до сихъ поръ достояніемъ немногочисленныхъ специалистовъ, гдѣ-то въ сторонѣ отъ преобладающихъ умственныхъ теченій, не влияя на ходъ исторіи, не волнуя умовъ, не возбуждая на работу интеллигентныя силы европейскаго общества. Люди усваиваютъ охотно то, что не требуетъ внутренней ломки, дается легко, что не нарушаетъ общаго теченія привычныхъ чувствъ и мыслей... Мы остановимся на небольшой книжкѣ, появившейся вторымъ изданіемъ въ началѣ 1892 года въ Неаполѣ и принадлежащей перу очень талантливаго итальянскаго ученаго, профессора Рафаэля Маріано. Книжка озаглавлена *Buddismo e Cristianesimo* и заключаетъ въ себѣ рядъ превосходныхъ философскихъ положеній и очень тонкую, продуманную параллель между философіей Будды и философіею христіанскою. Маріано проводитъ совершенно опредѣленную тенденцію и небольшой трактатъ его блестящею мѣткостью анализа, обиліемъ остроумныхъ критическихъ замѣчаній, полнотою и всесторонностью историческихъ познаній. Параллель между буддизмомъ и христіанствомъ вышла у него по-истинѣ замѣчательною: авторъ вскрываетъ основныя начала буддйскаго ученія, сопоставляетъ ихъ съ важнѣйшими теоремами христіанской метафизики и затѣмъ съ большою логическою силою, съ твердымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ, дѣлаетъ изъ этого сопоставленія нѣсколько въ высшей степени важныхъ философскихъ выводовъ. Превосходство христіанскаго ученія надъ буддйскимъ обнаружено съ такою ясностью, съ такою пронципальностью въ пони-

маніи движущаго начала новозавѣтной морали, что предъ вами сразу высунуто оба философскихъ ученія въ ихъ самыхъ главныхъ и рѣзкихъ очертаніяхъ, во всей ихъ исторической важности, во всемъ великолѣпнн величавой красоты и возвышенной правды. Какъ настоящій критикъ съ глубокимъ научнымъ образованіемъ, Маріано направляетъ свой анализъ прежде всего на корни буддйскаго ученія и ученія христіанскаго, на отвлеченныя принципы обѣихъ системъ, на метафизическое міросозерцаніе Будды и Новаго Завѣта. *Здѣсь* должны быть найдены элементы, возвышающіе одну доктрину надъ другою, имѣвшіе роковое влияние на ходъ европейскаго просвѣщенія, давшіе новое направленіе европейской наукѣ и искусству, медленно развивавшіеся въ теченіе среднихъ вѣковъ, но роскошно, пышно развернувшіеся въ идеалистическихъ системахъ конца восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій. Маріано слѣдуетъ за Гегелемъ, считаетъ его величайшимъ мировымъ мыслителемъ, но обнаруживаетъ при этомъ очень глубокое, вѣрное пониманіе метафизической системы Канта, изъ которой вылилась вся новѣйшая философія, вылилась и проникла въ различныя области научнаго знанія, въ литературу, искусство, въ практическую пропаганду идеала свободы и справедливости.

Но эта книжка итальянскаго ученаго требуетъ предварительнаго знакомства съ ученіемъ Будды, и потому мы приведемъ здѣсь его главнѣйшіи теоремы, исходныя положенія и важнѣйшіе практическіе выводы.

Молодой Готама ушелъ изъ-подъ родного крова за чужбину. Онъ былъ богатъ и знатенъ и проводилъ свои ювенскіе годы въ дворцахъ, окруженныхъ всею роскошью, возможной на Востока: тутъ были и тѣнистые сады съ прудами и вилучими цвѣтниками, на которыхъ летуемъ блестяли солнечнымъ свѣтомъ, распространяя далече благоуханіе, тутъ были загородные парки, куда отправлялись цѣлыми караванами и гдѣ въ тѣни высокихъ, густолиственныхъ деревьевъ и тамариндъ царил покой и уединеніе. Онъ былъ женатъ. Но среди роскошныхъ палатъ, въ горячей атмосферѣ любви и преданности, его посетила мысль о подвигѣ, охватило неукротимое желаніе отречься отъ всѣхъ наслажденій ничтожнаго міра.

Когда прошли назначенные дни,
Свершилось то, что ожидалось **міромъ**,
Свершилось удаленіе Владыки...
Отчаянре въ сіюющемъ дворцѣ,
Степанія царя, печаль народа!..
Но и освобожденіе для всѣхъ
И появленіе новаго закона,
Назначеннаго цѣлый міръ спасти ¹⁾.

¹⁾ *The Light of Asia*, Edwin Arnold, Book. IV. (Русскій переводъ Н. Юрлнскаго).

But when the days were numbered, then befell

Готама оставилъ свой домъ и ушелъ на чужбину. Семь лѣтъ онъ искалъ истины и не находилъ ее. Онъ довѣрилъ себя руководству двухъ духовныхъ учителей, бродилъ долгіе годы одинъ, въ самомъ строгомъ воздержаніи, въ лѣсахъ Урувеллы, терпѣливо ожидая, когда сойдетъ на него неземное просвѣщеніе. Онъ подавлялъ въ себѣ все требованія природы, удерживалъ дыханіе, не принималъ пищи. Онъ измучилъ свое тѣло, но спасеніе все не приходило. Однажды ночью, сидя подъ деревомъ, онъ вдругъ постигъ истину, которая долго скрывалась отъ него въ туманѣ. Предъ нимъ раскрылись все блужданія духовъ въ различныхъ формахъ жизни, источники, изъ которыхъ происходятъ все несчастія міра, раскрылись тѣ пути, которые ведутъ къ уничтоженію всякихъ страданій. Аскетъ Готама сдѣлался *Буддой* — пробужденнымъ, просвѣщеннымъ, чистымъ, и эта ночь, проведенная имъ подъ «деревомъ познанія», на берегу рѣки Неранджары, считается священной ночью буддійскаго міра ¹⁾... И вотъ Будда отправился въ Бенаресъ возвѣстити ученіе пяти монахамъ, съ которыми соперничалъ прежде въ воздержаніи и истязаніяхъ собственнаго тѣла. Существуютъ двѣ крайности, сказалъ онъ имъ, отъ которыхъ долженъ отказаться человѣкъ, ведущій духовную жизнь. Одна крайность—это жизнь, преданная наслажденіямъ, похоти, жизнь низкая, ничтожная, другая крайность—это жизнь въ мученіяхъ самоистязанія, жизнь тоже ничтожная, недостойная, мрачная. Совершенный далекъ отъ обѣихъ крайностей и признаетъ одинъ тотъ путь, который лежитъ посрединѣ между ними, путь ведущій къ покою, къ познанію, къ просвѣщенію, къ Nirvanѣ. То, что составляетъ главный смыслъ буддійскаго ученія, заключается въ себѣ четыре истины, знаніе которыхъ даетъ человѣку полное спасеніе: истину страданія, истину о происхожденіи страданія, истину объ уничтоженіи страданія, истину о пути къ уничтоженію страданія. Святая истина о страданіи такова: рожденіе есть страданіе, старость есть страданіе, болѣзнь есть страданіе, разлука съ милымъ есть страданіе — все, что связываетъ человека съ землею, есть полное и безусловное страданіе. Святая истина о происхожденіи страданія такова: жажда бытія, наслажденій, жажда власти и творчества — ведутъ отъ рожденія къ возрожденію, т. е. отъ одного страданія къ другому. Святая истина объ уничтоженіи страданія такова: необходимо уничтожить жажду жизни посредствомъ пол-

The parting of our Lord — which was to be —
 Wereby came wailing in the Golden Home,
 Woe to the King and sorrow o'er the land,
 But for all flesh deliverance, and that Law
 Which whoso hears — the same shall make him free.

¹⁾ *Будда, его жизнь, ученіе и община*, Г. Ольденберга, изданіе К. Т. Солдатенкова, переводъ П. Николаева, стр. 85.

наго уничтоженія желаній, посредствомъ отреченія отъ всего, что можетъ дать этимъ желаніямъ опору. Святая истина о пути къ уничтоженію страданія такова: путь, ведущій къ освобожденію, одинъ — праведная вѣра, праведное слово, праведное дѣло, праведная жизнь, праведное самоуглубленіе ¹⁾.

Приведа эти главные тезисы первой проповѣди Будды, Германъ Ольденбургъ, авторъ извѣстнаго изслѣдованія подъ названіемъ *Будда, его жизнь, ученіе и община*, говоритъ: «Эти положенія выражаютъ буддійскій пессимизмъ во всей его характеристической оригинальности и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на то, чѣмъ былъ въ дѣйствительности этотъ пессимизмъ». Передъ Буддою стоитъ постоянно образъ страдающаго міра и страдающаго человечества въ конкретной формѣ, съ убѣдительною захватывающею реальностью всецѣльнаго горя. Это не просто тѣнь, не просто облако, которое бросаетъ на жизнь страданіе и смерть — нѣтъ, это горе, неразлучное съ жизнью, это само горестное существованіе человека. «За полнымъ страданіемъ настоящимъ лежитъ неизмѣримое, полное страданіе прошлое и въ безконечной дали, открываемой охваченной ужасомъ фантазіей — будущее, полное такихъ же страданій». Эти четыре истины составляютъ «главнѣйшее возвѣщеніе» Будды: онѣ повторяются и обсуждаются безчисленное количество разъ въ каноническихъ текстахъ и составляютъ основной камень буддійскаго ученія. Буддисты, говоритъ Ольденбургъ, называютъ послѣднимъ, самымъ скрытымъ корнемъ міроваго страданія — незнаніе, и на вопросъ, какое познаніе имѣетъ роковое для человѣка значеніе, они всегда отвѣчаютъ: познаніе четырехъ священныхъ истинъ. Не звать страданія, не звать происхожденія страданія, не звать уничтоженія страданія и не звать пути къ уничтоженію страданія — вотъ что называется незнаніемъ. Нѣмецкій критикъ настойчиво подчеркиваетъ эмпирическій характеръ этихъ первыхъ философскихъ соображеній буддизма. Источникъ всѣхъ человѣческихъ несчастій не кака-нибудь космическая или мистическая тайна, а простое незнаніе четырехъ истинъ, возвѣщенныхъ Буддою въ его первой бенаресской проповѣди, незнаніе, всецѣло принадлежащее къ области земныхъ обстоятельствъ и силъ. Когда древне-буддійская догматика слѣдуетъ за страдающимъ существомъ по длинному пути безчисленныхъ рожденій и возрожденій, она при этомъ не теряетъ въ тайнахъ какихъ бы то ни было первоначальныхъ, мистическихъ причинъ, а видитъ корень всякаго эмпирическаго существованія въ какомъ-нибудь всегда опредѣленномъ эмпирическомъ фактѣ. Я живу и страдаю только потому, что въ прежнее время жило существо, не обладавшее познаніемъ четырехъ великихъ истинъ, не сумѣвшее стряхнуть отъ суетной переменчивости собственныхъ

¹⁾ *Ibidem*, стр. 100: *Проповѣдь въ Бенаресѣ* и стр. 163: *текстъ четырехъ истинъ*.

желаній и потому необходимо породившее мое настоящее существованіе. Незнаніе обманываетъ насъ относительно земной жизни и раздуваетъ воображеніе въ безплодномъ исканіи наслажденій и счастья. Бытіе есть страданіе безцѣльное, ненужное, въ которомъ не замѣшана никакая метафизическая истина, въ которомъ всякій шагъ есть только простая ошибка невѣжества и непониманія, въ которомъ нѣтъ ни единого проблеска высшаго духовнаго свѣта. Жизнь во всѣхъ ея формахъ и видахъ — абсолютное зло, которое слѣдуетъ подавить въ себѣ окончательно, вырвавъ всѣ корни страстей, желаній и пустыхъ надеждъ. Человѣкъ, не просвѣщенный мудрымъ ученіемъ о страданіи, направляетъ всѣ чувства и мысли на преходящій, призрачный міръ конечнаго, и подобно тому, какъ горячій матеріалъ не позволяетъ потухнуть вспыхнувшему пламени, такъ эти чувства и мысли, направленные на конечныя цѣли, крѣпко привязываютъ его къ жизни, не выпуская его изъ круговорота рожденія и старости, болѣзни и смерти. Истинный мудрецъ не стремится ни къ какому блаженству. Его самосознаніе, его духовная дѣятельность, всѣ его мысли направлены на прекращеніе всякихъ формъ жизни, на уничтоженіе зла и несчастій, на прекращеніе всего мірового процесса ¹⁾).

И то, что говорится въ буддійскомъ ученіи о призрачности міра физическаго, должно быть отнесено и ко всѣмъ явленіямъ внутренней, психической жизни человѣка. Не только природа, не только тѣлесная жизнь человѣка оторваны отъ Божества, но и вся психическая сфера подвержена закону уничтоженія и разрушенія. Буддизмъ отрицаетъ существованіе души въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ онъ отрицаетъ существованіе матеріи: душа, какъ и тѣло, есть только процессъ перемежающихся, другъ друга смѣняющихъ явленій, рядъ воспріятій и представленій, рядъ познавательныхъ актовъ, въ которомъ нѣтъ ничего устойчиваго, постояннаго, неизмѣннаго. Ученіе о личности ложно и противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ. Личность есть только сумма смѣняющихся формъ, личность, какъ что-то вѣчно пребывающее въ непрекращающемся процессѣ рожденія и уничтоженія, какъ неподвижный центръ, къ которому стягиваются всѣ разнообразныя проявленія человѣческой дѣятельности, къ которому тяготеютъ всѣ ощущенія, чувства, всѣ понятія человѣка, не существуетъ. Въ одномъ изъ преданій, сохранившихся въ буддійской литературѣ, передается замѣчательный разговоръ греческаго царя Миллиды съ буддійскимъ отшельникомъ Нагасеною.

— Какъ зовутъ тебя, достопочтенный, какъ твое имя? спросилъ его греческій царь.

— Я называюсь Нагасена — отвѣчала святой. Но Нагасена это только имя, названіе, обозначеніе, выраженіе, простое слово — *субъекта-же такого здѣсь нѣтъ*.

И тогда Миллида сказалъ достопочтенному Нагасенѣ:

— Хорошо, пусть пятьсотъ грековъ и восемьдесятъ тысячъ монаховъ слушаютъ это. Нагасена говоритъ: субъекта здѣсь нѣтъ. Но если субъекта нѣтъ, то кто же даетъ вамъ платье и пищу, жилище и лекарство для больныхъ, кто живетъ добродѣтельно, кто идетъ по пути святости, кто достигаетъ Нирваны? Кто жлетъ? Кто пьетъ? Кто совершаетъ пять смертныхъ грѣховъ? Если бы кто-нибудь убилъ тебя, Нагасена, кто совершилъ-бы это убійство?

Нагасена такъ отвѣчалъ царю:

— Ты, великій царь, привыкъ къ высшимъ удобствамъ княжеской жизни. Когда ты идешь въ полуденный часъ пѣшкомъ по раскаленной землѣ, по горячему песку, когда ты ступаешь на острые камни, твои ноги болятъ, твое тѣло утомляется, духъ твой раздражается. Пришелъ-ли ты пѣшкомъ, или пріѣхалъ на повозкѣ? Если ты пріѣхалъ на повозкѣ, то объясни мнѣ, что такое повозка? Ось не есть повозка, колесо не есть повозка, кузовъ или ядро тоже не есть повозка. Нигдѣ я не нахожу повозки, нѣтъ никакой повозки, повозка есть простое слово. Пусть слышатъ это пятьсотъ грековъ и восемьдесятъ тысячъ монаховъ. Царь Миллида сказалъ: я пріѣхалъ на повозкѣ, а когда я просилъ его объяснить мнѣ повозку, онъ не могъ этого сдѣлать. Повозка есть только простое слово, имя. Точно также относительно моихъ волосъ, моей кожи и костей, относительно воспріятій, представленій, познанія употребляется имя, названіе, обозначеніе, выраженіе, слово: Нагасена, *но субъекта, въ строгомъ смыслѣ этого слова, здѣсь нѣтъ* ¹⁾).

Субъекта нѣтъ, и то, что мы называемъ живымъ, одушевленнымъ существомъ, есть только нѣчто мимолетное, явленіе среди явленій, одинокая искра въ цѣломъ огненномъ морѣ, молнія, которая можетъ обратиться въ пламя дома, деревня, но которая сама, все-таки, неизбежно и навсегда потухнетъ. Мелькаютъ различныя представленія, смѣняются настроенія, желанія и, какъ волны въ морѣ, чувства то встаютъ въ человѣкѣ высоко, увлекая къ дѣламъ любви и справедливости, то падаютъ низко, толкая къ поступкамъ подлымъ, къ обману, разврату, но божественной сущности во всѣхъ этихъ психическихъ явленіяхъ нѣтъ, но твердаго духовнаго начала въ процессѣ психическаго существованія не существуетъ. Нагасена говоритъ: субъекта, въ строгомъ смыслѣ этого слова, здѣсь нѣтъ. Въ этомъ пунктѣ, замѣчаетъ Ольденбергъ, буддійское мышленіе доходитъ до крайнихъ своихъ выводовъ. Ученіе о душѣ есть настоящій революціонный переворотъ, потрясшій главные принципы браманнизма. Философія Будды окончательно разрываетъ тѣ тончайшія нити, которыя связываютъ міръ конечный съ міромъ безконечнымъ, абсолют-

¹⁾ Ольденбергъ, стр. 193.

¹⁾ Ольденбергъ, стр. 201: *Душа*.
Кн. 2. Отд. II.

намъ и тушить тотъ единственный свѣтъ — свѣтъ сознанія, идей, разума, который ведетъ человѣка къ Божеству. Все ничтожно на этомъ свѣтѣ: ничтожна слѣпая сила чувственной матеріи, ничтоженъ и жалокъ весь нашъ внутренній составъ съ его обманчивыми формами воспріятія, съ его самолюбивыми ощущеніями и трепетною жаждою счастья, счастья, счастья...

Ученіе о страданіи, о ничтожествѣ міра, о путяхъ избавленія и искупленія только первая половина буддійской философіи, за которую слѣдуетъ великое ученіе о вѣчномъ покоѣ, о Nirvanѣ. Обыкновенно считаютъ центральною мыслью буддійской несимметрической философіи идею небытія. Міръ произошелъ изъ ничего и потому справедливость требуетъ, чтобы онъ самъ былъ обращенъ въ ничто. Бытіе, которое возникло изъ абсолютнаго ничтожества, лишено всякаго философскаго и нравственнаго смысла. Въ нѣсколько туманныхъ и нерѣшительныхъ словахъ Ольденбергъ отвергаетъ такой взглядъ на происхожденіе буддійскаго неслимизма. Ему кажется, что такое пониманіе буддизма представляетъ довольно странную ошибку. Всякій, говоритъ онъ, кого интересуютъ не метафизическія размышленія позднѣйшихъ вѣковъ, а то, что по преданію считается прісловіемъ самого Будды и вѣрованіемъ его общины странствующихъ монаховъ, нигдѣ не найдетъ этой мысли о небытіи. Если буддисты, продолжаетъ онъ, завѣсили и нашли слишкомъ легкимъ этотъ міръ, то не потому, что онъ есть обманчивое, кажущееся нѣчто, а только потому, что міръ этотъ есть страданіе и скрываетъ въ себѣ только страданіе. Это обивчивое соображеніе. Если бы міръ, въ которомъ мы живемъ, не былъ ничтоженъ по самому своему существу, надъ нимъ не гремѣло-бы проклятіе Будды, онъ не былъ-бы сплошнымъ страданіемъ и о немъ не были-бы сказаны слѣдующія слова: «Весь міръ поглощенъ пламенемъ, весь міръ окруженъ дымомъ, весь міръ трепещетъ... Человѣкъ собираетъ цвѣты, умъ его жаждетъ наслажденій, а къ нему приближается смерть. Ты не найдешь на землѣ мѣста, гдѣ-бы не захватила тебя сила смерти — не найдешь его ни въ воздушномъ пространствѣ, ни среди моря, ни въ горныхъ пещерахъ. Изъ радости происходятъ страданіе и страхъ, изъ любви рождаются страданіе и страхъ. Кто живетъ безъ радости, у того нѣтъ страданія. Кто свободенъ отъ любви, для того нѣтъ страданія. *Человѣкъ, который смотритъ на міръ, какъ на мыльный пузырь, какъ на призракъ, не увидитъ князя смерти*»¹⁾. Жизнь есть страданіе именно потому, что она переменчива, призрачна, преходяща, именно потому, что она представляетъ собою вихрь явленій, цѣпляющихся другъ за друга, другъ друга смѣняющихся съ механическою постепенностью и послѣдовательностью. Ученіе Будды не было-бы такъ трагично по содержанию, такъ возвышенно по своему философскому полету, такъ смѣло и

вдохновенно по силѣ своего воззванія къ человѣческой гордости, по силѣ своего беспощаднаго и безусловнаго отрицанія, если бы въ глубинѣ ученія о страданіи не таилась мысль, что этотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, ничтоженъ не только въ практическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ теоретическомъ, философскомъ, что онъ простой обманъ чувствъ, мучительный кошмаръ воображенія. Если бы хоть одна капля истины существовала въ этомъ мірѣ, онъ былъ-бы устойчивъ, тихъ, покоенъ и не былъ-бы подобенъ переменчивой поверхности рѣки, которая зыблется по вѣтру, темнѣетъ отъ мимо пролетающихъ облаковъ, или радостно колеблется, преломляя въ себѣ жгучіе лучи полдневнаго яркаго солнца. Въ томъ то и дѣло, что въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего постояннаго, что въ немъ все — преходящее, все — призракъ, обманъ, ничтожество, страданіе. Отсюда и ученіе о томъ, что слѣдуетъ искать смерти, избавленія отъ всѣхъ ужасовъ земнаго и вѣческаго вообще существованія. Вѣдь говоритъ же нѣмецкій критикъ: человѣкъ стоитъ безпомощно среди все-сильнаго потока. Онъ не можетъ сдерживать его волны, не можетъ властвовать надъ его теченіемъ. Но не будучи въ силахъ господствовать надъ міромъ, онъ можетъ только отвернуться отъ него: въ смерти — искупленіе, свобода.

И тамъ, гдѣ кончается ученіе о страданіи, о ничтожности жизни, начинается вторая важная половина буддійской философіи, ученіе о Nirvanѣ, о вѣчномъ покоѣ. Будда говорилъ: «трудно людямъ понять законъ причинности, цѣль причинъ и дѣйствій, но еще труднѣе понять успокоеніе всѣхъ формъ, угасаніе желанія, уничтоженіе житейскихъ требованій, конецъ, Nirvanу». Эти слова, по вѣрному объясненію Ольденберга, раздѣляютъ весь кругъ буддійскаго мышленія на двѣ половины: съ одной стороны — земной міръ, гдѣ господствуетъ законъ причинности, а съ другой — Nirvana, царство, гдѣ законъ причинности не имѣетъ никакой власти, тишина вѣчнаго міра. Но соображенія Ольденберга какъ будто колеблются между истинно-философскимъ и, такъ сказать, нигилистическимъ взглядомъ на Nirvanу. Онъ приводитъ извѣстныя слова Макса Мюллера, но отбѣиваетъ ихъ нѣкоторыми очень осторожными, скептическими замѣчаніями. Была-ли бы религіей та религія, которая въ концѣ концовъ приводитъ къ небытію? Нѣтъ, она была-бы узкою, обманчивою тропинкою, для по которой человѣкъ ввязанно падаетъ въ пропасть небытія, падаетъ въ ту самую минуту, когда онъ думалъ достигнуть цѣли вѣчнаго существованія... Ольденбергъ не желаетъ слѣдовать за англійскимъ ученымъ въ этомъ трудномъ вопросѣ. «Въ мрачной, мечтательной жизни Индіи мысли и чувства появляются и развиваются совершенно иначе, чѣмъ въ здоровомъ воздухѣ Запада. Тамъ можетъ быть понятно многое изъ того, чего мы не понимаемъ, и, если мы доходимъ до такихъ пунктовъ, которые намъ представляются непонятными, намъ

¹⁾ Ibidem, стр. 170.

приходится оставить ихъ непонятными и ждать, что, можетъ быть, будущее принесетъ намъ разрѣшеніе загадки¹⁾. Тотъ, кто отрицалъ существованіе личнаго я, былъ, конечно, не далеко отъ убѣжденія, что Нирвана есть полное уничтоженіе. Будда этого не говоритъ опредѣленно, ясно, но зачѣмъ обнаруживать предъ слабымъ человѣкомъ суровую истину, что награда за побѣду искупленія есть небытіе, когда можно скрыть ее отъ глазъ людей спасительною завѣсою? Задача человѣка — искупленіе, отрѣшеніе отъ радостей и страданій міра, и развѣ эта задача будетъ лучше разрѣшена, если вынудить у него сознаніе, что кромѣ конечнаго ничего не существуетъ? Буддійское ученіе требовало отъ вѣрующихъ, чтобы они не задавались вопросомъ о томъ, что такое въ дѣйствительности Нирвана и само на эту тему не постановило никакого ни положительнаго, ни отрицательнаго догмата. Однако, даже при самомъ искреннемъ желаніи слѣдовать наставленіямъ Будды, ученики его не могли не придумывать какихъ-нибудь отвѣтовъ на эти, мучительные для всякаго религіознаго сознанія, вопросы. Отвѣты эти существовали, «какъ настроеніе, какъ легкое дыханіе», не выражаясь въ словахъ, но обнаруживаясь въ неосторожныхъ умозаключеніяхъ и выводахъ. Умы рѣшительные не боялись идти впередъ по пути, который они считали путемъ истины и святости... А между тѣмъ, въ рукахъ Ольденберга имѣлись нѣкоторые тексты буддійскаго ученія, разрушающіе, какъ мы думаемъ, окончательно нигилистическій взглядъ на Нирвану, и въ одномъ изъ этихъ текстовъ разсказывается слѣдующее. Однажды царь Козалы, Пазенади, встрѣтилъ на дорогѣ, между двумя своими столицами, знаменитую по своей мудрости ученицу Будды, монахиню Кхему.

Царь поклонился ей почтительно и сталъ спрашивать ее о священномъ ученіи Будды.

— Существуетъ-ли, достопочтенная, Совершенный послѣ смерти?

— Возвышенный не открылъ, великій царь, чтобы Совершенный существовалъ послѣ смерти.

— Стало быть, Совершенный не существуетъ послѣ смерти, достопочтенная?

— И этого, великій царь, не открылъ Возвышенный, чтобы совершенный не существовалъ послѣ смерти.

Царь удивился.

— Что за причина, что за основаніе, ради котораго Возвышенный этого не открылъ?

— Позволь мнѣ, великій царь, спросить тебя самого, и отвѣчай мнѣ то, что покажется тебѣ справедливымъ. Есть-ли у тебя счетчикъ, казначей, или кассиръ, который могъ-бы сосчитать песокъ Ганга, который

могъ-бы сказать: здѣсь столько-то сотенъ, тысячъ или сотенъ тысячъ песчинокъ?

— Такого счетчика у меня нѣтъ.

— Есть-ли у тебя счетчикъ, казначей или кассиръ, который могъ-бы вымѣрить воду въ великомъ океанѣ, который могъ-бы сказать: въ немъ столько-то ведеръ воды?

— Такого счетчика у меня нѣтъ, достопочтенная.

— А почему нѣтъ? Великій океанъ глубокъ, бездоненъ, неизмѣримъ. Точно также невозможно опредѣлить сущность Совершеннаго. Сущность его не можетъ быть исчисляема числами тѣлеснаго міра: она глубока, бездонна, неизмѣрима, какъ великій океанъ...

Ничѣмъ нельзя опредѣлить Нирваны: нѣтъ словъ, которыми можно говорить о ней, у рѣчи не хватаетъ выраженій для того, чтобы изобразить ее. Нирвана необъяснима. Тотъ, кто примѣняетъ къ ней эмпирическія опредѣленія, пригодныя только для міра конечнаго и условнаго, похожъ на человѣка, который вздумалъ-бы сосчитывать песокъ въ Гангѣ или капли въ морѣ. Вотъ что есть Нирвана. Нирвана то, чему нѣтъ названія, имени, опредѣляющаго термина — она выше нашихъ представленій, шире всѣхъ понятій и идей. Если условлено называть бытіемъ то, что мы видимъ глазами, осязаемъ руками, слышимъ ухомъ, или вообще воспринимаемъ какимъ-нибудь органомъ чувства, то Нирвана не есть бытіе. Она не обладаетъ ни однимъ изъ признаковъ чувственнаго міра и, по сравненію съ предметами, которые доступны нашему познанію, есть *ничто*.

Это величайшая идея, поднимающая буддійское ученіе выше всѣхъ другихъ ученій древности. Тутъ откинуты всѣ плюзии, отброшены всѣ оптимистическія краски, отвергнуты всѣ поэтическіе образы, въ которыхъ когда-либо рисовалась человѣку сущность вещей. Природа предстала предъ Буддою въ своемъ самомъ роскошномъ нарядѣ, въ уборѣ самыхъ пышныхъ цвѣтовъ, какъ-бы завернувшись въ яркій покровъ свѣта, воздуха, красокъ, а онъ смѣло отвернулся отъ нея. Мишуря, страданіе, великолѣпные мыльные пузыри... Нирвана — выше всего на свѣтѣ, потому что она *иная* по существу. Придумайте какое хотите слово, пустите въ ходъ всѣ богатства языка, краснорѣчія, самой пылкой фантазіи, и вы все-таки не выразите ничего вѣрнаго о томъ, что скрыто за гранью природы. Одно только можно сказать: Нирвана. Святоотечественно думать, что въ человѣкѣ есть хоть одна черта, которую слѣдуетъ перенести на Вождество: оно выше всего, и вся наша добродѣтель, предъ строгимъ судомъ Нирваны, только жалкая, пустая игра въ самолюбіе. Кто смѣетъ сравнивать себя съ тѣмъ, что абсолютно, въ томъ нѣтъ никакого нравственнаго смиренія, въ томъ разумъ смѣшонъ своимъ горделивымъ притязаніемъ. Философія никогда не восходила еще на такую безстрашную высоту, ни-

¹⁾ Ольденбергъ, стр. 210: *Св. Писаніе, Я, Нирвана*.

когда не доходила еще до такого трагического паоса. Въ ученіи о Нирванѣ любовь къ Богу достигаетъ такого выраженія, которому, по силѣ скрытаго въ немъ чувства, по безконечности самоотреченія, по ширинѣ отрицанія, обращеннаго на себя и на другихъ, нѣтъ ничего равнаго ни въ старыхъ, ни въ новыхъ метафизическихъ системахъ Европы. Нирвана не то, что мы называемъ бытіемъ, и *только потому* мы можемъ сказать, что она — *небытіе*.

Сохранился текстъ, въ которомъ этотъ взглядъ на Нирвану признанъ единственно вѣрнымъ. Въ немъ говорится: «нѣкоторый монахъ по имени Ямака высказывалъ слѣдующее *еретическое мнѣніе*. Я понимаю, говорилъ онъ, возвышенное Совершеннымъ такимъ образомъ, что монахъ, освободившись отъ грѣховъ, когда распадается его тѣло, подлежитъ уничтоженію, что онъ исчезаетъ, что онъ не существуетъ послѣ смерти». Это мнѣніе *еретическое*. Настоящій, вѣрный ученикъ Будды долженъ думать такъ: Нирвана есть прибѣжище, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды, ни свѣта, гдѣ нѣтъ ни безконечности пространства, ни безконечности разума, гдѣ нѣтъ ни этого міра, ни другого міра, ни солнца, ни луны. Нирвана существуетъ безъ основы, безъ развитія, безъ опоры.

Таковы главные моменты буддійскаго ученія: ученіе о мірѣ страданій, ученіе о душѣ, ученіе о Нирванѣ. Отъ вѣка существуетъ круговоротъ фактовъ, процессъ явленій, надъ которымъ господствуетъ естественный законъ причинности съ абсолютною, нигдѣ не нарушимою силою, не опираясь ни на какую мистическую основу. Существуетъ міръ событій, движенія, перемѣнъ, въ которомъ нѣтъ ничего постояннаго, ни единаго проблеска истиннаго, никогда не потухающаго свѣта. Мы живемъ въ этомъ круговоротѣ фактовъ, въ этомъ мірѣ обмана и страданій. Когда мы видимъ предъ собою великолѣпную картину миража, мы говоримъ: эта картина есть только отраженіе дѣйствительныхъ предметовъ, скрытыхъ за горизонтомъ нашего зрѣнія. Когда мы видимъ въ зеркалѣ какіе-нибудь предметы, движущихся людей, мы говоримъ: это только отраженіе предметовъ и людей, сами предметы и люди внѣ зеркала. Такова идеалистическая точка зрѣнія на міръ. Вся природа есть только одинъ огромный символъ Божества, существующій не самъ по себѣ, раздѣльно отъ безусловной, мистической причины, а именно въ связи съ ней, какъ нѣкоторая зыбь на поверхности безконечнаго океана. Для буддійскаго ученія міръ не есть миражъ, свѣтовое отраженіе истинной жизни, а безусловный обманъ, процессъ явленій, ни къ чему не прикрѣпленныхъ и развивающихся одно изъ другого съ фатальною последовательностью, по желѣзному, механическому закону причинъ и дѣйствій. Вырвите изъ живаго организма какія-нибудь части тѣла — глазъ, руку, ногу, и эти части умрутъ навсегда. Онѣ не перестанутъ участвовать въ общемъ міровомъ процессѣ развитія матеріи, но,

какъ части живаго организма, какъ орудія исполненія сознательныхъ цѣлей, онѣ уже не будутъ существовать: онѣ стали мертвыми. Вся природа мертва, — по буквѣ и духу буддійскаго ученія. Въ ней нѣтъ ни единаго живаго клочка пространства, ни единой свѣтящейся точки, которая давала-бы ощущеніе свободы. Она сплошное горе, одинъ мучительный кошмаръ смерти. Когда Готама просвѣтился подъ деревомъ познанія, онъ ушелъ въ Бенаресъ возвѣстити великое ученіе о четырехъ истинахъ страданія...

Ученіе о душѣ не менѣе безотрадно: она тоже измѣнчива, какъ природа, она тоже ничѣмъ не связана съ мистическою причиною міра, она тоже рядъ ошибокъ и обмановъ. Въ душѣ нѣтъ ни одного понятія, въ которомъ горѣлъ-бы лучъ истины, ни одного слова, которое выражало-бы безконечную сущность Божества. Нагасена сказалъ: субъекта, въ строгомъ смыслѣ слова, здѣсь нѣтъ.

Ученіе о Нирванѣ...

Буддійская философія выдержана во всѣхъ своихъ положеніяхъ, духъ отреченія отъ всего земнаго ради Нирваны господствуетъ въ каждой строкѣ буддійскихъ текстовъ. Нѣтъ такой капли воды въ морѣ, которая не была-бы пропитана вкусомъ соли, нѣтъ такого тезиса, такого отрицательнаго оборота мысли въ буддійскомъ ученіи, которые не были-бы пропитаны идеей отреченія. Три момента буддійской философіи сливаются въ одно стройное логическое цѣлое, въ которомъ всѣ практическія положенія прямо вытекаютъ изъ общихъ теоретическихъ соображеній, изъ опредѣленнаго метафизическаго взгляда на природу, на душу, на Нирвану.

И вотъ, кто проникся насквозь ученіемъ Будды до такой степени, что сталъ примѣнять его къ жизни, кто разъ навсегда рѣшился сойти съ обманчиваго пути міра, кто отрекся отъ всѣхъ земныхъ благъ и надеждъ, тотъ сталъ святымъ. Отреченіе, спокойствіе, замиреніе страстей — таковы идеалы буддійской святости. Пусть разрушится то, что ничтожно — матерія, пусть потухнетъ то, что сверкаетъ и блещетъ случайно — душа, пусть настанетъ Нирвана. Святость и отреченіе — одно и то же. Самоуглубленіе — вотъ величайшее дѣло для человѣка. Въ самоуглубленіи взоръ отвращается отъ вишняго міра и останавливается на идеѣ Нирваны. Когда дождевые потоки наполняютъ всѣ воздушные пути, тогда монахъ, одинъ, вдали отъ свѣта, въ скрытой горной пещерѣ, предается великому труду самоуглубленія — и нѣтъ для него высшей радости. Когда огненные лучи солнца весело бѣгутъ съ высоты небесъ на землю, въ роскошный лѣтній день, монахъ сидитъ на берегу рѣки, украшенномъ цвѣтами, предаваясь великому труду самоуглубленія — и нѣтъ для него высшей радости.

Въ ученіи о святости напряглись всѣ силы буддійской философіи. Это послѣдній сильный и громкій аккордъ похороннаго марша — гдѣ-то въ

отдаленіи отъ переполненныхъ народомъ улицъ, отъ нашей пошлой, презрѣнной, житейской суеты.

Въ книгѣ Ольденберга главные принципы буддѣйскаго ученія изложены съ большими достоинствами, хотя, какъ мы видѣли, нѣкоторые взгляды автора отмѣчены неувѣренностью, не разработаны до конца, не соединены вмѣстѣ въ одно продуманное и законченное философское сужденіе. Авторъ не избѣгъ противорѣчій, которыя, при внимательномъ изученіи, бросаются въ глаза и ослабляютъ довѣріе къ его собственнымъ, личнымъ философскимъ взглядамъ. Онъ не сумѣлъ поставить впереди всего, выдвинуть на первый планъ ту важнѣйшую метафизическую ошибку, которая мертвитъ все ученіе буддизма — отрѣзанность другъ отъ друга двухъ міровъ, уничтоженіе мистическаго начала въ изображеніи человеческой жизни. Ольденбергъ знаетъ эту роковую ошибку буддѣйскаго философа, говоритъ о ней множество разъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ своего интереснаго изслѣдованія, но не дѣлаетъ ее пунктомъ отправленія для всей своей критики. И оттого его выраженія и замѣчанія отрывочны, не врѣзываются въ память и не привлекаютъ вниманія читателя къ самымъ главнымъ, типическимъ чертамъ буддѣйскаго философа. И оттого въ сочиненіи его мы встречаемся нерѣдко съ чисто эмпирическими объясненіями и толкованіями и притомъ въ такихъ мѣстахъ и такихъ вопросахъ, которые требуютъ истолкованія строго философскаго, научнаго, принципиальнаго.

Мы остановимся только на одномъ примѣрѣ.

Говоря на 170 стр. о нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ буддѣйскаго ученія, Ольденбергъ спрашиваетъ: «Одна-ли діалектика заставила буддистовъ смотрѣть на міръ, какъ на полную мученій пустыню?» Онъ думаетъ, что не одна діалектика, ибо тамъ, гдѣ народный духъ не сумѣлъ приобрести себѣ «твердой почвы въ прочной и ясной реальности историческаго труда», гдѣ не существуетъ никакого противовѣса «для чрезмѣрнаго развитія метафизической мысли», тамъ метафизика «со своими дѣйствительными или мнимыми выводами имѣетъ, конечно, громадное вліяніе на рѣшеніе вопроса: стоитъ-ли эта жизнь того, чтобы жить?» Но гдѣ народный духъ сумѣлъ приобрести твердую почву «въ прочной и ясной реальности историческаго труда», тамъ, гдѣ существуетъ «противовѣсъ для чрезмѣрнаго развитія метафизической мысли», тамъ рѣшеніе вопроса о томъ, стоитъ-ли жить, ставится въ зависимость отъ реальныхъ историческихъ силъ и обстоятельствъ, а не отъ одной только метафизики. «Индусъ коснулся только поверхности той жизни, которая задаетъ дѣйствующему, борющемуся народу тысячи задачъ и обѣщаетъ ему за то тысячу благъ — и съ утомленіемъ отвернулся отъ нея». Лучшій комментарий къ буддѣйскому ученію о страданіи записанъ неизгладимыми чертами во всей страдальческой исторіи индусскаго народа...

Поставить характеръ буддѣйскаго религіи въ зависимость отъ внѣшнихъ условій исторической жизни — это мысль несчастная. Историческая судьба индусскаго народа была произведеніемъ его религіи, его философа, а не наоборотъ. Ученіе Христа могло-бы возникнуть подъ палящимъ небомъ Индіи, и оно не потеряло-бы отъ этого въ своемъ великомъ историческомъ значеніи. Въ самомъ буддизмѣ, въ его ученіи о мірѣ и о душѣ, заключается та ужасная сила, которая *должна* была породить эту страдальческую исторію индусскаго народа. Въ самомъ христіанскомъ ученіи, въ его взглядѣ на жизнь и на человѣка, заключается та живородящая сила, тотъ свѣтъ, которые должны были разлиться по всему міру и дать совершенно новое, возвышенное направленіе политической и умственной исторіи европейскихъ народовъ. Религія рождается съ народомъ, религіей начинаются первые шаги людей по пути гражданственности, социальной культуры. Волна катится туда, куда толкаетъ ее движеніе воздуха. Теченіе исторіи направляется туда, куда брошенъ свѣтъ первой религіозной мысли.

Но одно замѣчаніе въ книгѣ Ольденберга заключаетъ въ себѣ драгоценную истину. Ученіе, говоритъ онъ, для котораго за преходящимъ бытіемъ открывается будущее вѣчное совершенство, не можетъ «считать царство вѣчности начинающимся только тамъ, гдѣ кончается міръ скоропреходящаго». Это ученіе, чтобы быть логически неопровержимымъ, *должно* допустить, что въ самомъ царствѣ скоропреходящаго есть элементъ, «который носитъ въ себѣ зародышъ вѣчнаго бытія».

Это лучшее замѣчаніе въ разбираемой книгѣ, на которомъ автору слѣдовало-бы воздвигнуть всю критику буддизма.

III.

Теперь обратимся къ книгѣ пальянскаго профессора.

Послѣ коротенькаго предисловія и двухъ небольшихъ главокъ подъ названіемъ «Современные апостолы Будды» (Gli apostoli odierni del Buddha) и «Браманизмъ и Буддизмъ» (Bramanismo e Buddismo), Маріано сразу приступаетъ къ опредѣленію Nirваны. Въ немъ нѣтъ колебаній Ольденберга, и потому онъ очерчиваетъ свои сужденія рѣзкими, яркими штрихами. Обыкновенно принято говорить, пишетъ Маріано, что «основу всѣхъ основъ» буддизма составляетъ вѣра въ ничто, мысль, что истинная сущность міра есть абсолютное небытіе. На безконечно разнообразныя лады говорится о томъ, что жизнь есть страданіе, что вся буддѣйская философа исчерпывается четырьмя извѣстными теоремами о суетности міра и ученіемъ о небытіи. Но если это такъ, то можно ли, спрашивается, сказать, что Будда сдѣлалъ изъ небытія Божество, что онъ основалъ агностическую и нигилистическую религію? Тексты не даютъ опре-

дѣленнаго отвѣта. Они говорятъ, что человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ всего конечнаго, что Nirvana должна быть цѣлью всѣхъ стремленій, всѣхъ надеждъ и желаній, но что такое само безконечное начало, сама Nirvana, они не говорятъ. «О совершенномъ человѣкѣ послѣ смерти нельзя сказать ни что онъ существуетъ, ни что онъ не существуетъ» — вотъ что мы читаемъ въ священнѣхъ книгахъ буддѣнскаго ученія. Волѣе отчетливѣхъ объясненій мы въ нихъ не находимъ. Однако, разсуждаетъ Маріано, въ вопросѣ о сущности Nirваны нельзя упускать слѣдующаго важнаго обстоятельства, которое бросаетъ свѣтъ на всю поставленную задачу и даетъ возможность разсѣять нѣкоторыя существующія по этому вопросу сомнѣнія съ достаточною увѣренностью: Будда основалъ *религію*. Если буддизмъ есть религія, то можно ли, не впадая въ крупнѣйшее заблужденіе, сказать, что ученіе Будды есть чистый нигилизмъ или религіозный атеизмъ? *Атеизмъ* и *религія* — это термины, которые абсолютно исключаютъ другъ друга, и говорить объ *атеистической религіи* — значить говорить объ абсурдѣ, безмыслицѣ, о квадратномъ кругѣ¹⁾. На почвѣ нигилизма и безусловнаго скептицизма не можетъ держаться не только никакая религія, но и никакая философія. Маріано повторяетъ мысль Макса Мюллера, прекрасно развитую въ его замѣчательномъ сочиненіи подъ названіемъ *Lectures on the origin and growth of Religion*: существо всякой религіи заключается въ установленіи опредѣленной связи между конечнымъ и безконечнымъ, между человѣкомъ и Божествомъ. Міръ держится верховною, мистическою силою, безъ которой онъ долженъ былъ бы распасться, разбиться, разсѣяться навсегда. Конечно, Nirvana имѣетъ огромное этическое значеніе, конечно въ буддизмѣ нѣтъ такого метафизическаго положенія, которое не коренилось бы въ интересѣ практическомъ, моральномъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Nirvana — сама по себѣ, какъ понятіе, какъ философская идея, есть отрицаніе мистическаго начала, что метафизическія положенія въ ученіи Будды имѣютъ характеръ исключительно отрицательный. Буддизмъ есть религія, а потому понятіе Nirваны должно получить совершенно другое истолкованіе. Говоря логически, строго придерживаясь смысла произносимыхъ словъ, мы должны сказать, что небытіе не есть пустота, чистое и абсолютное ничто: абсолютное ничто непонятно, не можетъ быть предметомъ человѣческихъ сужденій. Мыслить, разсуждать значить непременно устанавливать что-нибудь положительное, объективное, и въ самомъ крайнемъ отрицаніи мы всегда найдемъ самое крайнее утвержденіе. Мысль не можетъ отрицать сама себя, и какъ-бы ни былъ глубокъ ея анализъ, какъ-

¹⁾ *Buddismo e Cristianesimo*, 2-a. edizione accresciuta, Napoli 1892. Стр. 41: *Ateismo e religione sono termini che si escludono assolutamente, e parlare di una religione atea è semplicemente un assurdo, un non senso, come chi dicesse un cerchio quadrato.*

бы далеко ни простиралось ея сомнѣніе, какъ-бы сокрушительно ни была ея критическая работа, она не можетъ отвергнуть сама себя. Вотъ почему нельзя сказать, что Nirvana есть отрицаніе *всякаго* бытія: такое отрицаніе было-бы абсурдомъ само по себѣ и, во всякомъ случаѣ, не могло-бы дать матеріала для возведенія такой философской системы, какова система Будды — системы грандіозной, облитой яркимъ свѣтомъ фантазіи, проникнутой истиннымъ увлеченіемъ, безграничною любовью къ истинѣ. Вникая въ глубь предмета, говоритъ Маріано, нельзя не придти къ убѣжденію, что небытіе, о которомъ говорится въ книгахъ буддѣнскаго закона, не относится вовсе къ тому, что абсолютно, къ тому, что сосредоточено само въ себѣ и ни отъ чего не зависитъ. Nirvana, небытіе суть понятія, обращенныя къ призракамъ міра, къ явленіямъ природы и человѣческой жизни. Nirvana есть отрицаніе всякаго чувственнаго, феноменальнаго міра, но не міра вѣчнаго, мистическаго. Nirvana есть ничто только по отношенію къ человѣку и природѣ: *è il non-essere del mondo...*¹⁾.

Открытымъ и совершенно неразрѣшеннымъ остается въ буддѣнской философіи только слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ этотъ познаваемый нами міръ, если ему не свойственно никакое высшее начало, не присуща ни одна черта свободы и правды, можетъ существовать даже въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ? Откуда, если все наши представленія и понятія ложны, къ намъ взялась самая идея Nirваны — чего-то непреходящаго, вѣчнаго, самая идея Божества — абсолютно свободнаго, чистаго, дающаго полное искупленіе отъ тяжелыхъ и безплодныхъ страданій міра? Откуда къ человѣку, рожденному и живущему во тьмѣ, идея свѣта? Откуда къ человѣку, воспитанному въ атмосферѣ, кишащей преступленіями, не выдавшему никогда ни одного подвига любви, милосердія, самая мысль о справедливости, о благѣ, о служеніи человечеству? На эти вопросы буддизмъ не даетъ и не можетъ дать никакого отвѣта. Изъ этого его ученіе безжизненно по своей природѣ. Оно умерщвляетъ порокъ, но не возбуждаетъ героическаго духа, оно развѣчиваетъ ложь, обманъ, мужественно срываетъ маску съ эгоизма, но не обнаруживаетъ того, что есть въ мірѣ истиннаго, свѣтлаго, ведущаго къ добру, открывающаго путь къ свободѣ и справедливости. Буддизмъ подавляетъ страсти низкія, аффекты животныя, но не зажигаетъ страстей высокнхъ, аффектовъ подвижническихъ: въ немъ затерянъ путь къ Божеству, засыпаны обломками безпощаднаго разрушенія тѣ положительныя начала, которыя даютъ исходъ воображенію, открываютъ перспективу новаго и плодотворнаго творчества.

Путь христіанской философіи совершенно иной. И метафизическія и психологическія понятія въ ней развиваются на другихъ основаніяхъ и

¹⁾ *Ibidem* 49.

въ другомъ направленіи. Если Нирвана есть коренная идея буддійскаго ученія, если полная отрѣзанность другъ отъ друга двухъ міровъ, міра явленій и міра вѣчности, составляетъ важнѣйшую догму буддійской философіи, то идея Божества, присущаго всему чувственному міру, идея *воплощенія* абсолютнаго духовнаго начала въ переменчивыхъ формахъ земнаго существованія составляетъ главную теорему философіи христіанской. Божественное начало присуще, свойственно міру и, въ то же самое время, оно недоступно прямому чувственному познанію, находится за предѣлами опыта, *мистично* по своей природѣ. Если-бы оно не было началомъ, присущимъ міру, говоритъ Маріано, мысль о Богѣ, объ искупленіи была-бы пустымъ словомъ, безъ содержанія и реальнаго смысла. Если-бы оно, въ то же самое время, не было началомъ мистическимъ, сверхчувственнымъ, міръ и человѣкъ были-бы Божествами, не нуждающимися ни въ какомъ развитіи и совершенствованіи¹⁾. Сознаніе, разумъ, вся духовная сила человѣка имѣютъ не эмпирическое происхожденіе, а происхожденіе мистическое: это дѣйствительныя проблески Божества, это свѣтъ истины, прошедшій сквозь призму матеріи и разложившійся на множество частей. Въ мірѣ есть правда, и эта правда — разумъ человѣческой. Въ мірѣ есть свобода, и эта свобода — жизнь сознательная, по руководству собственнаго пониманія. Въ мірѣ есть справедливость, добро, положительное благо... Въ буддійской философіи нѣтъ связующаго звена между ученіемъ о мірѣ и ученіемъ о Нирванѣ, между ученіемъ о человѣкѣ и ученіемъ о Божествѣ, въ философіи христіанской звено это дано въ ученіи о духовномъ воплощеніи, о душѣ. Найдена дорога, ведущая изъ одного міра въ другой, найдена та сила, которая господствуетъ надъ прочими силами міра, найдена та точка, отъ которой долженъ исходить анализъ всѣхъ нашихъ идей и понятій. Идеалистическій взглядъ на природу, на жизнь, на человѣка сложился двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и въ ученіи Плага Завѣта нашелъ себѣ полное и всестороннее выраженіе. Съ тѣхъ поръ философія никогда не теряла изъ виду того, что составляетъ главное достояніе христіанскаго ученія — теоремы о главенствѣ разума надъ матеріею, души надъ тѣломъ. Нужно перевести всѣ событія міра на доступный намъ языкъ логическихъ и психологическихъ понятій, открыть идею, цѣль, смыслъ въ каждомъ движеніи матеріи, увидѣть всю природу въ свѣтѣ сознанія, разума — такова задача для человѣка, проникнутаго идеалистическимъ убѣжденіемъ, такова задача идеалистической философіи, пожелавшей создать новый взглядъ на вещи, новое міровоззрѣніе. И дѣйствительно, въ христіанскомъ ученіи нѣтъ такого предмета, такого случайно обретеннаго слова, которые не имѣли-бы

¹⁾ *Buddismo e Cristianesimo*, VI. стр. 69. Iddio è immanente, è presente nel mondo e nell'uomo, ma è pure, nell'atto stesso, trascendente...

высокаго смысла и самаго широкаго психологическаго значенія. Природа, люди, мертвое вещество — все оживло, освѣтилось лучами истины, открыло свое внутреннее содержаніе съ тѣхъ поръ, какъ впервые было установлено ученіе о свободномъ духовномъ началѣ. Христіанская философія первая указала на то, что дѣйствительно реально въ этомъ мірѣ — на душу человѣка, первая подчинила природу человѣческому разуму, первая открыла истинно идеалистическую точку зрѣнія на явленія міра, и въ этомъ ея безсмертная заслуга предъ человѣчествомъ.

Будда и Христосъ... Вы видите лицо измощенное, съ потухшими глазами, вы видите человѣка, отрешающагося не только отъ міра, но и отъ себя самого, возненавидѣвшаго не только физическое рожденіе и смерть, но и неслышное рожденіе представленій, формъ мыслей, ростъ понятій и психическихъ стремленій. Вспомните Нагасену, вѣрнаго стража буддійскаго ученія: «субъекта, въ строгомъ смыслѣ слова, здѣсь нѣтъ»... Вы видите кроткій, свѣтлый ликъ Христа, на которомъ никогда не умираетъ улыбка довѣрія къ людямъ, на которомъ никогда не исчезаетъ мягкое, нѣжное выраженіе любви, надежды, вѣры. Онъ пришелъ возвѣстить о царствѣ не отъ міра сего, о вѣрномъ пути къ Богу, о спасеніи *души*. Берегите чистоту намѣреній, свѣтъ, сокрытый внутри васъ, берегите душу. *Субъектъ* есть, субъектъ безсмертенъ.

Буддизмъ отвергаетъ изслѣдованіе высшихъ причинъ міра. Онъ изгоняетъ всякій мистическій элементъ изъ своихъ разсужденій и стремится быть только этической системою... Прочтите слѣдующій діалогъ. Одинъ монахъ пришелъ къ учителю, чтобы высказать ему свое удивленіе по поводу того, что онъ оставляетъ безъ отвѣта рядъ самыхъ важныхъ и глубокихъ вопросовъ: вѣченъ ли міръ или онъ ограниченъ во времени? Есть ли жизнь послѣ смерти? Безконеченъ ли міръ или онъ не имѣетъ конца? Нѣкто раненъ отравленною стрѣлой, отвѣчаетъ Будда монаху, и друзья, родственники призвали свѣдущаго врача. Что будетъ, если больной скажетъ: я не хочу лечить моей раны, пока не узнаю, кто тотъ человѣкъ, который стрѣлялъ въ меня? Я не хочу лечить моей раны, пока не узнаю, какъ зовется тотъ, кто ранилъ меня — какого онъ рода, какого роста и какъ выглядитъ то орудіе, изъ котораго онъ въ меня стрѣлялъ? Больной умереть, не получивъ своевременной помощи¹⁾... Буддизмъ отодвигаетъ на задній планъ метафизическія части своего ученія и тѣмъ постоянно низводитъ себя на ступень простой эмпирической системы, ибо не только религія, но и философія не можетъ обойти вопроса о смыслѣ жизни, о цѣляхъ развитія, о послѣднихъ причинахъ міроваго процесса. Философія и религія связаны между собою тѣсно, неразрывно. Когда мы присматриваемся къ предметамъ, которыми занимается религія,

¹⁾ *Ольдсберъ*, 216: *Святой, Я, Нирвана*.

мы убѣждаемся въ томъ, что это тѣ же самые предметы, на которыхъ сосредоточивается истинно философское изслѣдованіе. Если религія должна опредѣлить отношеніе между конечнымъ и безконечнымъ, если она въ явленіяхъ перемѣнчивыхъ должна открыть начало вѣчное, неподвижное, неизмѣнное, то совершенно естественно, что философія должна первая придти къ ней на помощь. Кто компетентенъ объяснить тотъ процессъ, которымъ простыя, единичныя впечатлѣнія перерабатываются въ общія понятія? Кто можетъ взять на себя трудную задачу рѣшить вопросъ о томъ, имѣетъ ли человѣкъ право говорить о самомъ существованіи безконечнаго, вопреки свѣдѣтельству грубаго, чувственного воспріятія и «здраваго смысла»? Мы осудили бы, говоритъ Максъ Мюллеръ, религію, если бы отдѣлили ее отъ философіи, мы разрушили бы философію, если бы разлучили ее съ религіею ¹⁾. Мы не можемъ опредѣлить нашихъ отношеній къ людямъ, къ міру, пока не опредѣлимъ нашего отношенія къ мистической причинѣ вещей. Объясненіе того, чѣмъ должна быть человѣческая жизнь, всецѣло зависитъ отъ нашихъ общихъ метафизическихъ убѣжденій.

Въ христіанскомъ ученіи метафизическій элементъ, въ противоположность ученію буддійскому, играетъ самую выдающуюся роль. Безъ теорій воплощенія это ученіе не было бы тѣмъ новымъ словомъ, которое раскрыло міру глаза на истинную сущность вещей, создало величайшую эпоху въ исторіи человѣческаго просвѣщенія, обновило міръ свѣжими силами и надеждами на иную, болѣе высокую культуру. Безъ теорій воплощенія оно не было бы тѣмъ оригинальнымъ ученіемъ, изъ котораго вышло и къ которому постоянно возвращается мысль людей, работавшихъ, послѣ Христа, на различныхъ поприщахъ научнаго и философскаго знанія. Три новыя метафизическія положенія — о мірѣ, о душѣ, о Богѣ, какъ одно живое цѣлое, образуютъ теоретическое основаніе христіанской философіи, на которомъ развернулось моральное ученіе, дышащее подвигами, любовью, возвышеннымъ стремленіемъ къ свободѣ и миру. Найдти то, что не умираетъ, не подвержено процессу разрушенія, что составляетъ устойчивое начало въ этомъ безконечномъ круговоротѣ рожденія и смерти, значило, въ самомъ дѣлѣ, открыть новую эру въ исторіи человечества. Христіанское ученіе есть ученіе объ истинѣ и о пути къ истинѣ. Оно соединяетъ внутреннюю связью два міра, раздѣленныхъ между собою въ ученіи Будды и указываетъ намъ на тѣ единственныя формы, въ которыхъ должны отливаться все наши знанія, все наше пониманіе природы и людей. Оно разъ на-всегда устанавливаетъ идеалистическую точку зрѣнія на міръ, которая сближаетъ человѣка съ

¹⁾ Lectures on the origin and growth of Religion, стр. 345: We should damnify religion, if we separated it from philosophy, we should ruin philosophy if we divorced it from religion.

тѣмъ, что отмѣчено печатью красоты и сродняетъ внутреннимъ чувствомъ благоговѣйнаго восторга съ Божествомъ. Оно придаетъ смыслъ практической дѣятельности человѣка, оживляетъ лучомъ свободы все его гражданскія стремленія. Оно даетъ почву подъ ногами, ориентирующіи принципы для теоретическаго и практическаго труда. Въ буддійской философіи надъ міромъ господствуетъ слѣпой законъ механической причинности, и потому это ученіе есть ученіе о человѣческомъ рабствѣ. Нирвана внесена въ эту философію невѣдомо откуда, какъ высшая деспотическая сила, требующая безусловнаго подчиненія и полнаго отреченія отъ всего, что манитъ глазъ, восхищаетъ слухъ, увлекаетъ разумъ. Нирвана давитъ и покоряетъ своимъ отрицаніемъ, ни передъ чѣмъ не останавливающимся, безпощадно разбивающимъ все иллюзіи воображенія своею немолочною безстрастностью, строгимъ и увѣреннымъ приговоромъ надъ суетными надеждами человѣка. Въ Нирванѣ есть великая правда, но эта правда не связана съ міромъ и приставлена къ этическому, но преимуществу, ученію Будды, какъ совершенно постороннее, извнѣ добытое украшеніе. Въ Нирванѣ есть безпредѣльная любовь къ возвышенному, но къ тѣмъ ни капли любви къ красотѣ... Въ христіанской философіи надъ закономъ механической причинности господствуетъ законъ логическій и нравственный. Міръ природы, высшихъ силъ всецѣло зависитъ отъ той духовной силы, которая присуща ему. Механическіе законы матеріи держатся на законѣ духовномъ, на мистической причинѣ міра, отраженіемъ которой служитъ наша душевная жизнь. Рядомъ съ высшимъ закономъ среды и физическихъ условій существованія христіанская философія ставитъ нравственную волю человѣка, законъ разумныхъ цѣлей, и потому эта философія есть ученіе о человѣческой свободѣ, о свободномъ искупленіи грѣха путемъ страданій, подвиговъ, любви. Міръ Божества внесенъ въ христіанскую философію не извнѣ, а изнутри, какъ неизбежное требованіе логики, какъ свободный выводъ изъ всехъ психологическихъ данныхъ, какъ результатъ безпристрастнаго научнаго анализа. Человѣкъ самъ охотно идетъ туда, гдѣ свѣтъ, гдѣ правда, гдѣ любовь и милосердіе, и потому въ христіанскомъ ученіи нѣтъ и быть не можетъ того деспотизма, который придаетъ такой ужасающій характеръ философіи буддійской. Въ христіанской философіи любовь къ истинѣ и къ людямъ, къ Богу и къ природѣ, къ возвышенному и красивому господствуетъ надъ всеми прочими ея сторонами, не какъ сила тираническая, вооруженная гонящими догматами, а какъ сила безграничной внутренней правды, которой дышется легко и свободно только въ живой атмосферѣ борьбы и страданій.

Отсюда дальнѣйшее различіе между буддизмомъ и христіанствомъ. Этика буддизма имѣетъ античеловѣчскій характеръ. Проникнутая абсолютнымъ цеснимизмомъ она требуетъ отъ человѣка, какъ мы видѣли, безусловнаго отреченія отъ себя и отъ міра. Милосердіе, благодѣаніе,

любовь не имѣютъ никакого смысла, никакого основанія въ самомъ человѣкѣ. Тишина, спокойствіе, полный индифферентизмъ ко всему — вотъ что даетъ освобожденіе отъ страданій въ этомъ мірѣ зла, ошибокъ, вѣчныхъ рожденій и смерти. Тамъ, гдѣ отрицаются все стремленія человѣка, гдѣ отрицается разумный смыслъ во всехъ усиліяхъ воли осуществити на землѣ какое-нибудь доброе дѣло, гдѣ все этическое идеалы ограничиваются идеаломъ воздержанія, искорененія чувствъ и страстей, тамъ можетъ существовать только одна положительная добродѣтель — пассивное состраданіе къ несчастіямъ ближняго. Для добродѣтели энергичной, продуктивной, способной на энтузіазмъ, на героическій поступокъ въ системѣ Будды мѣста нѣтъ. Вся религія Будды, говоритъ Маріано, есть одинъ огромный монастырскій уставъ, въ которомъ бѣдность и цѣломудріе поставлены впереди всехъ другихъ обязанностей, въ которомъ имѣются мельчайшія правила о нищѣ, объ одеждѣ, о жилищѣ, но въ которомъ ничего не говорится о живомъ трудѣ, потому что вся жизнь, все моральныя и физическія силы должны быть употреблены только на созерцаніе ¹⁾. Этика христіанства имѣетъ противоположный характеръ: это не монашеская этика, не пассивная и не отрицательная этика. Христосъ не придаетъ своей церкви характера монашескаго института и вовсе не имѣлъ въ виду связывать своихъ учениковъ какими-нибудь неадаптированными, детальными правилами. Христосъ выше Іоанна Крестителя. Онъ считалъ его своимъ Предтечею и, называя его этимъ словомъ, тѣмъ какъ-бы проводилъ отчетливую границу между нимъ и собою. Креститель близокъ къ Христу, такъ близокъ, что онъ почти касается его, почти сливается съ нимъ, но тѣмъ не менѣе, по точному смыслу евангельской буквы, между нимъ и Христомъ есть весьма существенная разница. Изъ всехъ людей, когда-либо рожденныхъ отъ женщины, это самый великій человѣкъ, но самый малый въ царствѣ неба все-таки больше его. Христосъ не осуждаетъ, продолжаетъ Маріано, жизнь среди людей, исполненіе различныхъ человѣческихъ обязанностей, не осуждаетъ брака и проповѣдуетъ трудъ, какъ одну изъ важнѣйшихъ частей человѣческаго предназначенія. Монастырь былъ необходимымъ вещественнымъ подтвержденіемъ буддійскаго ученія, жизнь свободная, въ монастырскихъ уставовъ, по всеобъемлющему закону любви, должна быть подтвержденіемъ христіанскаго ученія. Христіанское ученіе жизненное, практически плодотворное ученіе. Оно покорило своей власти древнія государства, воспользовалось всемъ, что въ нихъ было хорошаго, подвергнувъ ихъ однако строгой и радикальной реформѣ. Христіанство и гражданственность — одно и то же ²⁾.

Таково главное направленіе мыслей въ интересной книжкѣ итальян-

скаго ученаго. Различіе между буддизмомъ и христіанствомъ описано авторомъ ярко, глубокими интригами, съ мастерствомъ человѣка, хорошо владѣющаго труднѣйшими философскими понятіями. Онъ не излагаетъ, а критикуетъ и, слѣдуя за Гегелемъ въ пониманіи различныхъ религіозныхъ вопросовъ, обнаруживаетъ при этомъ тонкій критическій талантъ, даровитость мысли, пзвнцую осторожность въ оцѣнкѣ различныхъ теоретическихъ взглядовъ. Въ этой книжкѣ, равно какъ и въ недавно напечатанной статьѣ его: *Искусство и религія* (*Nuova Antologia*, 1892, Dicembre 16), Маріано остается вѣрнѣе основнымъ своимъ метафизическимъ идеямъ, остается все тѣмъ же горячимъ защитникомъ христіанскаго спиритуализма, какимъ онъ явился въ своемъ трактатѣ о религіозно-философскихъ идеяхъ Макса Мюллера, Гартмана, Шлейдерера и въ цѣломъ рядѣ брошюръ «О религіозной мысли въ Италіи», «О личности Христа», «О возвращеніи къ Канту и Нео-Кантіанцахъ» и др. ¹⁾. Онъ разобралъ предметъ съ большимъ искусствомъ, подвергъ анализу все наиболѣе извѣстныя мнѣнія о характерѣ буддизма, вступилъ въ очень остроумную полемику по вопросу о сходствѣ между ученіемъ Канта и ученіемъ Будды, съ авторомъ небольшой статейки, напечатанной въ іюль мѣсяцѣ 1891 года въ итальянскомъ журналѣ *Культура* и посвящей шикантное названіе «Новыя тенденціи», присоединилъ къ своей книжкѣ нѣсколько очень интересныхъ историческихъ справокъ — однимъ словомъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы придать своимъ критическимъ соображеніямъ доказательность, солидность. И мы думаемъ, что авторъ достигъ своей цѣли: книжка его займетъ почетное мѣсто въ огромной литературѣ о буддизмѣ и будетъ принята во вниманіе всякимъ, кто интересуется теоретической и практической философіей индуизма.

IV.

Мы начали съ г. Страхова и кончимъ имъ же. Параллель между буддизмомъ и христіанствомъ могла бы быть дополнена многими драгоценными замѣчаніями Фуко, Неймана, Зильбернагеля, Васильева, Гусева и др., но мы извлекли изъ огромной массы матеріаловъ только то, что было нужно для настоящей нашей задачи: намѣтить въ общихъ чертахъ различіе между ученіемъ буддійскимъ и ученіемъ христіанскимъ. Намъ было важно освѣтить немногія *соображенія* г. Страхова, показавъ тѣ *дѣла*, *идеи*, *вліяніемъ* которыхъ повидимому находится этотъ писатель, тогъ *циклъ* понятій, изъ которыхъ естественно вытекаетъ *взглядъ* г. Страхова на святость, на эту высшую ступень нравственнаго совершенства. Мы сдѣ-

¹⁾ *Buddismo e Cristianesimo*, X, *La morale pratica*, стр. 119.

²⁾ *Ibidem*, XI. *L'efficacia storica*, стр. 140: *E civiltà e Cristianità si son fatti sinonimi*.

¹⁾ *Studi critici sulla filosofia della Religione*, Napoli 1887, 1—255; *Il pensiero Religioso in Italia*, Firenze, 1891, 1—28; *La persona del Cristo*, Roma 1889, 1—31; *Il Ritorno a Kant e Neokantiani*, Napoli 1887, 1—30.

лали всѣ эти историческія справки для того, чтобы имѣть право сказать слѣдующее: Г. Страховъ ~~пренебрегъ~~ ~~тѣми~~ ~~выводами~~, которые должны быть сдѣланы изъ христіанскаго ученія о ~~отягченной~~ любви, о томъ, что ~~вѣра~~ безъ дѣла мертва, изъ метафизической идѣи о воплощеніи духовнаго начала въ различныя формы жизни. Разсужденіе г. Страхова есть разсужденіе на христіанскую тему подъ буддійскимъ угломъ зрѣнія...

Буддизмъ есть ученіе, которое можно изучать, какъ и всякую другую философскую систему, изъ научнаго интереса къ отвлеченной истинѣ и отвлеченнымъ моральнымъ выводамъ. Не нужно быть вопиющимъ партизаномъ буддизма, чтобы видѣть въ немъ тѣ достоинства, которыя сдѣлали его одною изъ самыхъ распространенныхъ въ мірѣ религій. Можно, будучи магометаниномъ, послѣдователемъ Конфуція или Моисея, видѣть въ тѣхъ достоинствахъ, которыя даютъ христіанской философіи важное преимущество надъ философій буддійскою. Въ вопросахъ научныхъ, теоретическихъ, религіозныхъ никому не дано право ссылаться на обстоятельства случайныя, оффиціальныя, на принадлежность къ извѣстному кружку, на людски придуманныя пустыя названія и клички. Г. Страхову угодно было подчеркнуть христіанское направленіе его мыслей, и мы, по праву свободной критики рѣшились провѣрить его этическое взгляды именно съ христіанской точки зрѣнія. Пусть спорять съ нами по существу люди, которымъ наши соображенія кажутся невѣрными, пусть г. Страховъ доказываетъ, что его ученіе о святости извлечено изъ священной книги Новаго Завѣта, но пусть никто не ссылается ни на какія привилегіи въ этомъ важномъ и трудномъ вопросѣ: здѣсь все дѣло только въ полнотѣ знанія, въ правильности и послѣдовательности анализа, въ глубинѣ и силѣ философскаго убѣжденія.

А. Волинскій.

